

Л. М. МОРДУХОВИЧ

Юрий Крижанич о «рабстве»

Основной целью деятельности Юрия Крижанича, как известно, было объединение славян, достижение ими независимости и обеспечение расцвета славянской культуры. Глубоко переживая иностранное порабощение южных и западных славян, Крижанич видел в Руси оплот их борьбы. В связи с этим в своем произведении «Политические думы» он выдвинул широкую программу преобразования Русского государства, предусматривающую развитие промышленности, земледелия, торговли и укрепление финансов.¹

В программе Крижанича отразилось наступление нового периода в русской истории, начавшегося в середине XVII в., периода, отмеченного антифеодальными народными восстаниями. Крижанич считал, что в этих условиях нельзя было воодушевить широкие массы населения на борьбу с захватчиками и одержать победу, не ликвидируя крепостничество в славянских землях, и прежде всего в России (он противопоставлял ей Голландию и Францию).² При этом Крижанич был убежден, что общественный строй обновленной России должен будет стать образцом для других славянских государств, и поэтому рассматривал необходимость заботы русского царя о своем народе как заботы о всех славянских народах.³

Большой интерес для уяснения вопроса об отношении Крижанича к крепостничеству представляет публикуемая нами впервые «политическая ересь 7», озаглавленная «Об работе (рабстве, — Л. М.), или Об хлаществу», которая содержится в рукописи главного произведения Ю. Крижанича «Политические думы». В прошлом веке П. А. Бессонов из 778 с. «Политических дум» опубликовал 465 (в двух частях) под произвольным названием «Русское государство в половине XVII века».⁴ В 1965 г. под названием «Политика» была заново опубликована часть этой рукописи, лишь в объеме первой части бессоновского издания (289 с.), которую А. Л. Гольдберг охарактеризовал как «законченное», «самостоятельное произведение».⁵ Уже П. Бессонов правильно рассматривал весь манускрипт

¹ См.: Л. М. Мордухович. Очерки истории экономических учений. М., 1957, с. 120—140.

² В Голландии крестьянство было искони свободным, а во Франции во второй половине XVII в. оно было уже юридически свободным (за исключением небольшой прослойки в восточных и отчасти северных районах страны), но пользовалось землей на основе цензивы или аренды.

³ Ссылки на опубликованный текст произведений Ю. Крижанича даются по изданию П. Бессонова «Русское государство в половине XVII века», ч. II. М., 1860, с. 70 (далее: Крижанич. Русское государство . . . , ч. II).

⁴ П. Бессонов. Русское государство в половине XVII века, ч. I, II. М., 1859, 1860.

⁵ Юрий Крижанич. Политика. Подгот. к печ. В. В. Зеленин. Пер. и коммент. А. Л. Гольдберга. Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1965; Л. М. Мордухович

как единое произведение и дал ему общее название. Лишь по независимым от него обстоятельствам он не смог довести публикации до конца. (Так же рассматривают рукопись Крижанича многолетний ее исследователь С. Белокуров, издатели «Политики», переведшие публикацию П. Бессонова на сербскохорватский язык, и другие ученые).⁶ О рукописи как цельном произведении свидетельствует работа над ней Крижанича, который все время стремился улучшить структуру своего труда в целом. По всей рукописи (на что указывает и В. В. Зеленин — автор статьи в новом издании «Политики»⁷) проходят сделанные Крижаничем вставки и дополнения с указанием о перенесении с конца ее в начало и наоборот целых параграфов и даже разделов.⁸

Первоначально ученый задумал начать свой труд с «политических ересей» (см.: ЦГАДА, ф. 184, № 1406). Работая над произведением, он меняет план и помещает «Раздел о политических ересьях и тайнах» на с. 149 рукописи. Всего им пронумеровано 15 «ересей». Затем, чередуясь с «ересями», идут разделы без нумерации. Первые пять «ересей» вошли в издание П. Бессонова.

Текст, предлагаемый вниманию читателя «Политической ереси 7», написанный по-латыни (лишь название дается не на латинском языке, но латинскими буквами), подготовлен и переведен для публикации нами. В Приложении к данной работе сначала публикуем текст латинского оригинала (с сохранением особенностей его пунктуации), а затем перевод. Этот небольшой, но весьма насыщенный глубокими идеями, очень сложный по содержанию материал может быть правильно понят лишь в связи с другими частями рукописи. В силу сжатости изложения, полемического характера, употребления автором термина «рабство» в разном значении отдельные положения в нем при формальном чтении могут быть легко истолкованы в духе защиты Крижаничем рабства вообще, и в частности в России.

Именно такая, как мы покажем ниже, ошибочная интерпретация публикуемого материала, противоречащая естественно-правовой концепции Ю. Крижанича,⁹ была дана В. Е. Вальденбергом¹⁰ и затем повторена А. Л. Гольдбергом.¹¹ Оба они лишь процитировали несколько начальных фраз из публикуемого ниже материала, к которым механически присоединили заключительные высказывания Ю. Крижанича, содержащие требование сохранить «закон рабства» для России и указание на его необходимость во всем мире.

Чтобы правильно раскрыть содержание публикации, прежде всего дадим общую характеристику текста. Крижанич ведет полемику «с немцами и поляками» по вопросу о рабстве. Вначале он доказывает несостоятельность и лицемерность утверждения, что в России рабство более жестокое, чем в Польше и в Германии. Он при этом выступает против рабства в социальном смысле, уточняя, как мы увидим, свою позицию в этом

в и ч. Новое издание «Политических дум» Ю. Крижанича.— Советское славяноведение, 1967, № 6, с. 75—78.

⁶ С. Белокуров. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1902; Juraj Križanić. Politika, ili Razgovori o vladalaštvu. Uvod V. Bogdanov. Zagreb, 1947, и др.

⁷ В. В. Зеленин. Рукопись «Политики». — В кн.: Юрий Крижанич. Политика, с. 696.

⁸ Подробнее о работе Крижанича над рукописью см.: Л. М. Мордухович. Новое издание...

⁹ См.: Л. М. Мордухович. Политические взгляды Ю. Крижанича. — Правоведение, 1962, № 1, с. 111—123.

¹⁰ В. Е. Вальденберг. Государственные идеи Крижанича. СПб., 1912, с. 194.

¹¹ А. Л. Гольдберг. Юрий Крижанич о русском обществе середины XVII века. — История СССР, 1960, № 6, с. 79.

вопросе. В данной связи Крижанич употребляет термин «рабство» как тождественный русскому «холопство» и для обозначения статуса крепостного крестьянина. Объяснение следует искать в том, что оба этих термина пережили свое старое содержание: в средние века термином «раб» обозначался крепостной.¹² Затем Крижанич отстает «рабство» для всех стран мира в особом, политическом его значении, которое он противопоставляет анархии как ложно понятой «немцами и поляками» свободы. В этой последовательности мы и проанализируем публикуемый трактат, привлекая другие высказывания Крижанича.

Ученый-хорват восставал против системы крепостничества. Он считал недопустимым, что труд в России закрепощен, что никто не может свободно распоряжаться принадлежащим ему имуществом, и доказывал, что «истинная свобода там, где каждому можно пользоваться свободно своим трудом», где «всякий может свободно ужить своей работы и пота».¹³ Крижанич вменял в обязанность царю заботиться «всячески о процветании народа, и прежде всего, чтобы все жили безопасно и, как подобает свободному гражданину (*libere*), пользовались и наслаждались своим имуществом (*substantia*)».¹⁴ Он решительно заявлял: «... зла есть крепенность (несвобода)».¹⁵ Значительное число авторов (А. Брикнер, В. Ключевский, В. Святловский, югославский академик В. Богданов¹⁶ и др.) пришли к выводу, что Крижанич в числе общественных условий, в зависимость от которых он ставит увеличение богатства и рост населения, главное значение придавал свободе хозяйственной деятельности. Эта точка зрения нашла отражение и в недавно вышедшем сборнике, посвященном Крижаничу, в статьях И. Бадалича и З. Балетича, со ссылками на наши работы.¹⁷

Однако Крижанич допускал «кабальное рабство» и рабство «дворовых людей». Пояняя, что «кабальные — за деньги купленные рабы»,¹⁸ он при этом опирался на свой философский принцип о свободе воли,¹⁹ признавал только самопродажу в рабство и перепродажу именно таких, юридически добровольных рабов, и с этой позиции критиковал «немцев и поляков». В. Е. Вальденберг и А. Л. Гольдберг, приводя цитаты Крижанича о рабстве у немцев и поляков, игнорировали содержащееся в них его возмущение тем, что у этих народов в рабов стали превращать свободных людей, не продавших себя в рабство. Крижанич отмечает, что «у немцев и поляков никакой свободный человек не продает сам себя²⁰ в рабство другому и никакой хозяин не продает раба другому человеку одного, а разве лишь с домом и с землей». «Напротив, — подчеркивает он, — у

¹² Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, ч. II. М., 1954, с. 35.

¹³ Крижанич. Русское государство... ч. II, с. 41, 92; см. также с. 101. Б. Д. Греков указывает, что крепостное право «... есть право на принудительный труд крестьянина» (Крестьяне на Руси, с. 231).

¹⁴ Юрий Крижанич. *De providentia Dei*. — ЦГАДА, ф. 381, № 1757, с. 156.

¹⁵ Крижанич. Русское государство... ч. II, с. 102.

¹⁶ А. Брикнер. Иван Посошков, ч. I. СПб., 1876, с. 87; В. Ключевский. Курс русской истории, ч. III. М., 1937, с. 271; В. Святловский. История экономических идей в России, т. I. М., 1920, с. 48; Juraj Križanić. *Politika*... s. 30.

¹⁷ См.: Л. М. Мордухович. Первый трактат о народонаселении в России. — Экономические науки, 1962, № 3, с. 92—101. См.: J. V a d a l i ć. *Gospodarsko-politički pogledi Jurja Križanića*. — In: *Život i djeio Jurja Križanića*. Zagreb, 1974, s. 166, 167, 169; Z. B a l e t i ć. *Politička ekonomija Križanićeve «Politike»*. — *Ibid.*, s. 176.

¹⁸ Крижанич. Русское государство... ч. II, с. 311.

¹⁹ См.: Л. М. Мордухович. Философские и социологические взгляды Юрия Крижанича. — Краткие сообщения Института славяноведения, 1963, № 36, с. 61—84.

²⁰ Весьма характерно это подчеркивание «*se ipsum*» («сам себя»), а не просто «*se*» («себя»).

иудеев по их древнему закону, у римлян и у греков, как у язычников, так потом у христиан, свободные люди продавали себя в рабство²¹ и хозяева продавали рабов друг другу подобно тому, как теперь происходит у нас в России». ²² Тем не менее немцы и поляки без основания этот «наш обычай толкуют с ненавистью и бранят, именуя его нечестивым, весьма жестоким, противоречащим человечности и справедливости, ибо (по их словам) люди продаются за деньги, как скот». Они также неосновательно преувеличивают рабство, бедность и несчастье русских подданных и изображают русских хозяев «более жестокими, чем сами демоны». Больше того, во всех этих словах, заявляет он, кроется «изрядная ложь, обман и превратное толкование, чтобы не сказать святотатство».

Какие же аргументы приводит Крижанич?

Прежде всего он указывает, что «это рабство (когда свободный человек продает сам себя) было утверждено божественным законом, поэтому этот обычай не может быть назван жестоким, нечестивым, бесчеловечным. . .». А. Л. Гольдберг цитирует только данный аргумент и проходит мимо того, что им Крижанич оправдывает исключительно самопродажу в рабство, а не крепостное право вообще.²³

Крижанич, однако, не ограничивается этим аргументом. Далее он подчеркивает, что хотя у римлян, как теперь в России, «свободные люди также добровольно продавали себя», но в Риме они, в отличие от русских, «обрекали себя самому тяжелому ярму рабства, потому что, в соответствии с римскими законами, господа имели власть на жизнь и смерть своих рабов». Такая же жестокая власть сохраняется и остается в обычае у поляков.

Наконец, и это самое главное, пишет Крижанич, немцы и поляки лицемерно обвиняют нас в самом жестоким рабстве, чтобы обелить себя. Действительно, что можно сказать, когда у них без всякой самопродажи «свободный человек получает поле для обработки и таким образом скывает себя рабством». Крижанич ставит вопрос, каким образом свободные люди становятся рабами у немцев и поляков, и с возмущением разъясняет: «Приходит свободный человек к знатному и просит у него дать ему какой-нибудь земельный участок для обработки. Знатный предоставляет ему пустующую землю, чтобы тот, как подобает свободному гражданину и необременительно для своего живота, владел ею в продолжение трех, четырех и более лет. По истечении же этих лет упомянутый земледелец становится рабом того же знатного на самых жестоких условиях», неся в его пользу различные повинности, а именно: «Он должен дать господину определенную часть урожая хлебом, деньгами и другими различными видами дохода», а кроме того — «нести в его пользу повинности по извозу со своей телегой и лошадей, куда бы он его ни послал».²⁴ Вместе с тем

²¹ А. Л. Гольдберг же переводит это место так: «. . . свободные люди продавались в рабство другими», и этим искажает мысль Крижанича, констатировавшего исторический факт (см. ниже, примеч. 22). Признаваемый Крижаничем акт самопродажи он превращает в признание им принудительного акта продажи. Крижанич пишет «vendebant se homines liberi alijs», а не «vendebantur homines» и т. д., т. е. употребляет *imperfektum activum*, а не *passivum*.

²² По свидетельству Б. Д. Грекова, в России в середине XVII в. свободные люди заключали «ссудную подрядную», «договор о поступлении в крестьянство, в зависимое состояние от своего хозяина» (Крестьяне на Руси, с. 385, 386; см. также с. 380). В. И. Сергеевич отмечает, что в России в середине XVII в., как у римлян, свободный человек продавал себя на срок в рабство (Законы царя Хаммураби и Библия о невольных людях. — Журнал министерства юстиции, 1908, № 9, с. 1).

²³ А. Л. Гольдберг. Юрий Крижанич. . . , с. 79. Поэтому весьма характерно, что А. Л. Гольдберг опускает в приведенной цитате слова «свободный человек».

²⁴ В. И. Сергеевич указывает, что по германскому праву у немцев «рабом делался всякий свободный», который больше года «хотя бы на один день жил на господской земле» (Законы царя Хаммураби. . . , с. 1).

«арендатор» должен ежедневно посылать господину рабочего для обработки его полей, за что он не получает ни жалования, ни крошки хлеба. Но этим не ограничивается то «самое жестокое рабство», в котором немцы и поляки «действительно держат своих крестьян». Крижанич негодует на то, что они лишают их возможности «свободно переселиться на другое место». А если крестьянин уходит, то «господин может схватить его, где бы он ни находился, и вернуть к себе со всем имуществом, которым тот обладает», и «повесить его, не запрашивая судью».²⁵ Что же касается поляков, то у них поступают таким же образом «не только знатные, но даже духовенство», «за исключением только того, что обычно не убивают их, как это делают светские господа».

Итак, Крижанич считал совершенно недопустимым закрепощение крестьянства, за исключением того лишь случая, когда «свободный человек сам себя продает», так как такое рабство носило добровольный и временный характер в отличие от «естественного» рабства. Поэтому он подчеркивал, что, в отличие от рабства у немцев и у поляков, «это состояние не является рабским». Превращение же в раба немцами и поляками свободного человека насильственным путем и навечно, наличие права распоряжаться его трудом и имуществом, жизнью и смертью Крижанич резко клеймил и рассматривал как нарушение «общественной справедливости».

В другой работе Крижанич, намечая решить различные вопросы, относящиеся к правосудию, относил такое рабство к искаженной справедливости, называя его «бесплатным рабством». «Царь, — писал он, — не должен сам допускать и не должен позволять другим явного правонарушения (*iniuria* — «насилие»), например: бесплатную транспортную повинность и бесплатное рабство (*angarationes hominum servitutem*; разрядка наша, — Л. М.),²⁶ т. е. вечное рабство «от рождения».

Отрицая крепостничество как систему, решительно выступая против вечного рабства, Крижанич вступал в полемику с Аристотелем и отвергал его попытку обосновать правовое рабство теорией естественного права — рабством от природы. Он называл «нелепым» (*absurdum*) стремление древнегреческого философа доказать, «что все народы мира по естественному праву (*ex iure naturale*) должны быть подчинены грекам, поскольку они сами о себе думали, что греки мудрее всех от природы».²⁷

Развивая эту мысль в публикуемом трактате и не признавая по «естественному праву» рабства, Крижанич считал справедливым то, что польский лексикограф Кнапий прибавляет на основании слов юристов (т. е., согласно римскому праву, — Л. М.), а именно, что «рабство не порождается по естественному праву, а произошло из международного права или из права войны. Это значит, что после того, как народы сами начали вести войны, . . . впервые один начал брать другого в плен и обращать в рабство».²⁸

²⁵ Ф. Энгельс отмечал, что в Пруссии крепостное крестьянство было приведено в такое «унизительное состояние, подобного которому нельзя было найти даже в России», потому что, «как только крестьянин (прусская, — Л. М.) превращался в крепостного. . . этот последний юристами, исходившими из римского права, признавался к римскому рабу. . .» (разрядка наша, — Л. М.) (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 21, с. 250).

²⁶ Юрий Крижанич. *De providentia Dei*, с. 194.

²⁷ Юрий Крижанич. Политические думы. — ЦГАДА, ф. 184, № 1406, с. 557. Ранний идеолог буржуазии Ж. Боден (*J. Bodin. Les six livres de la République. Paris, 1583*) также был противником теории естественного рабства Аристотеля и требовал постепенной отмены рабства. Г. Гроций же, один из родоначальников теории естественного права, опирался на Аристотеля и заявлял, что «некоторые люди от природы рабы» (Г. Гроций. О праве войны и мира. Три книги. М., 1956, с. 129).

²⁸ «Римляне, — пишет В. И. Сергеевич, — видели в рабстве последствие войны. Победитель может убить побежденного, а если не желает убивать, он может заставить его работать на себя. Это и будет раб» (Законы царя Хаммураби. . . , с. 1).

Крижанич, конечно, не мог понять, что этот обычай возник из потребностей рабовладельческого строя. Но его заслуга в том, во-первых, что он отвергал изначальный характер рабства: «. . . первоначально не было так», и, во-вторых, отвергал и этот обычай в современную ему эпоху, относя его к числу «преступных мероприятий» (*consilium sceleratum*).²⁹ Крижанич указывал, что это такая же жестокость, как многоженство.³⁰

Отвергнув решительно принудительное рабство в социальном смысле, Крижанич применяет термин «рабство», касаясь вопроса обороны государства. Однако в этом случае под рабством он имеет в виду строгое и главным образом военное подчинение всех подданных монарху, но с обязательным условием обеспечения каждому отстаиваемого им принципа личной свободы.

Слово «рабство» в указанном смысле широко употреблялось в то время западноевропейскими авторами. Например, Т. Гоббсом, рассматривавшим рабов как подданных всемогущего государства.³¹ У Крижанича аналогичное требование беспрекословного повиновения государю вытекало из его политических взглядов, сводившихся к защите «самовладства», и обосновывалось им «неосознанным грехом» массы населения, т. е. недостаточным уяснением ею естественного права («урожных законов»), понимаемого ученым в духе зарождавшихся буржуазных политических учений и даже отчасти предвосхищавшего радикализм западноевропейских государственных теорий начала XVIII в. (Локк и др.).³² «. . . человеческая природа, — пишет Крижанич, — была испорчена грехом», поэтому «наилучший образ правления, всенародный мир и повиновение законам не могут быть сохранены без закона рабства». Далее Крижанич, приводя в обоснование своей мысли исторические факты из военной истории, о которых мы скажем несколько ниже, рассуждает следующим образом: для того чтобы человеческая природа «выполняла свою обязанность», ее «нужно принуждать». Однако, указывает Крижанич, «трудно и даже скорее невежественно вести войны там, где царь не может повелевать знатью, а знать — своими слугами, но где они должны просить». Дело меняется в том случае, когда все «являются рабами царя», находясь у него в строгом подчинении, так как тогда он имеет право из своего народа создавать в любом количестве войска и военачальников,³³ может держать «военные силы всегда наготове» и одерживать большие победы.

Развивая свою мысль, он критикует систему наемничества, существовавшую тогда в странах Западной Европы, и выступает сторонником национальной регулярной армии. Именно в этом смысле он разъяснял, что быть рабом царя своего народа дело славное и один из видов свободы. Но служить царю чужого народа — позорное рабство и величайшее несчастье.³⁴ Крижанич требовал отмены в России «ксенотаргии», под которой

²⁹ Юрий Крижанич. *De providentia Dei*, с. 170.

³⁰ Крижанич особое внимание уделял раскрепощению женщин. Он высказывался за их участие в общественном производительном труде и требовал, критикуя Аристотеля, юридического равенства женщины с мужчиной в брачной жизни. Это свидетельствует о смелости и широте взглядов Крижанича, которые не вмещаются в господствующие представления даже развитого буржуазного общества, ибо, как указывал В. И. Ленин, пока существует частная собственность на средства производства, для женщин нет свободы от привилегий по закону в пользу мужчин (см.: В. И. Ленин н. Полн. собр. соч., т. 39, с. 199, 286).

³¹ Т. Гоббс. *Левифан, или Материя, форма и власть государства*. М., 1936, с. 331.

³² См.: Л. М. Мордухович. Политические взгляды Ю. Крижанича, с. 111—123.

³³ Крижанич. *Русское государство*. . . , ч. II, с. 68—69.

³⁴ Л. М. Мордухович. Из рукописного наследия Ю. Крижанича. — ИА, 1958, № 1, с. 169, 185.

имел в виду не только устройство войска по иностранному образцу, но и применение в качестве наемников иностранцев. Следует принять во внимание, что, хотя правительство и стремилось заменить «начальных людей» из иноземцев русскими, тем не менее в 1681—1682 гг. иноземцы составляли еще 10—15% «офицеров» русского войска.³⁵

Для подтверждения правильности своих суждений Крижанич в публикуемом трактате обращается к историческим фактам, давая совершенно ясно понять, что он имеет в виду под «законом рабства». Он указывает, что «Кир, Александр, римляне и турки никогда бы не сделали ничего из тех удивительных дел, которые они совершили, если бы у них не было закона рабства и если бы они должны были просьбами, барабанным боем собирать свое войско (т. е. рассчитывать на добровольцев, — Л. М.), как теперь всем на смех поступают немцы».

О немецкой системе наемничества писал Ф. Энгельс.³⁶ Что касается древнего войска, то, по разъяснению Энгельса, в Персии Дарий Гистасп I, царствовавший после упомянутого Крижаничем Кира, «создал постоянную армию», а в Греции еще отец Александра Македонского Филипп II, завоевавший Персидское царство Ахменидов и проникший в Индию, «сформировал постоянную армию».³⁷ При этом очень важно разъяснение Энгельса, что в античном мире в армию допускались только свободные граждане. Так было в Афинах, в Македонии, в Спарте и в Риме.³⁸

Крижанич свое понимание рабства в смысле наличия постоянной армии, подчиняющейся самодержцу, противопоставлял рабству в социальном смысле и, заканчивая публикуемый трактат, решительно подчеркивал, что в античном мире «солдаты все были свободными, поэтому никто не мог быть одновременно рабом и воином». Вот почему если «воины и знатные приводили с собой рабов на войну и в сражения, то из рабов те становились вольноотпущенниками, воинами и знатными, вплоть до того, что даже некоторые рабы стали императорами».³⁹

Крижанич доказывал, что комплектование войска из свободных граждан — это главное условие храбрости: «...первое и паче всего ко храбрости есть потребно повольно (свободное, — Л. М.) владение».⁴⁰ Именно потому, что древние «римляне и влахи (итальянцы, — Л. М.) под оным повольным⁴¹ и промыслельным владением находились, они были «храбреи от всех народов».⁴²

³⁵ А. В. Чернов. Вооруженные силы Русского государства XV—XVII вв., гл. 5. М., 1954, с. 133—156.

³⁶ По свидетельству Ф. Энгельса, еще при Фридрихе Великом «комплектование войск почти повсюду производилось путем записи добровольцев» и лишь впоследствии «Фридрих прибег к принудительному набору рекрутов в своих провинциях» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 14, с. 37). Крижанич, как видим, свидетельствует о сохранении в его время комплектования войск, существовавшего еще в средние века, о которых Энгельс писал: «Треск барабанов вербовщиков раздавался и в других местах (Европы, — Л. М.), особенно в Германии...» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 414). Ср. с высказыванием Крижанича: «Известно, что эти самые проповедники Свободы, созывающие солдат своих стужом барабанов, после того как набор и приписка в ряды совершены с некоторым видом веселости, держат за сим солдат в дисциплине и рабстве с такою строгостью, что тотчас повесят человека за малейшую вину, за одно полотенце, за одну курицу» (Крижанич. Русское государство... , ч. II, с. 69).

³⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 14, с. 7, 15.

³⁸ Там же, с. 9, 12, 15, 18, 22.

³⁹ Со 2-й Пунической войны титул императора солдаты давали полководцу на поле боя после одержанной большой победы, и он сохранялся до возвращения полководца в Рим. Во времена империи титул императора носил глава государства.

⁴⁰ Крижанич. Русское государство... , ч. II, с. 86.

⁴¹ В данном случае имеется в виду постоянное национальное войско из свободных людей.

⁴² Крижанич. Русское государство... , ч. II, с. 84.

Итак, под «законом рабства» в приведенных нами высказываниях Крижанич имел в виду регулярную национальную армию из свободных граждан, отвечающую требованиям централизованного государства и вследствие этого подчиненную непосредственно самодержцу. Он усматривал в ней один из важнейших принципов абсолютной монархии, отличающих последнюю от других форм власти, которые именовал анархией и распушенностью.

Отстаивая «рабство» в указанном смысле, ссылаясь при этом на пример существования постоянного войска из свободных людей у древних народов и подвергая критике современные ему наемные армии, существовавшие в некоторых странах, Крижанич считал необходимым «рабство» во всем мире и в заключение писал: «. . . пока Россия сохранит закон рабства, до тех пор, божией милостью, она сумеет сохранить свое величие, свободу и независимое положение. Но если (да не свершится этого!) закон рабства когда-нибудь падет, то возникнет опасность, как бы и русский народ не постигли те же беспорядки, распушенность нравов, власть чужестранцев и бесславие среди иных племен, выпавшие на долю поляков». Одна лишь ссылка Крижанича в конце цитаты на поляков не оставляет никакого сомнения в том, что он трактовал «закон рабства» в России в указанном политическом смысле.

Действительно, упадок Польского государства Крижанич правильно усматривал прежде всего в имевшем место ослаблении в то время шляхтой власти монарха, а отнюдь не в отсутствии рабства в социальном смысле, так как, имея в виду последнее, Крижанич с большим возмущением говорил, что «у поляков более суровое рабство, чем в России».

Вместе с тем мы видели, что Крижанич критиковал немцев за жестокость рабства и в то же время высмеивал и осуждал их за отмену «закона рабства», так как в последнем случае имел в виду переход от регулярной к вольнонаемной армии.

Следовательно, В. Е. Вальденберг и А. Л. Гольдберг совершенно необоснованно истолковали содержащееся в приведенной цитате требование Крижанича «сохранить закон рабства» в России и во всем мире как защиту им рабства в собственном смысле слова. Вместе с тем авторы прошли мимо тех высказываний ученого-хорвата, в которых он, как представитель новейшей теории естественного права, осуждал рабство в широком смысле в качестве социально-экономического явления и допускал лишь добровольное подчинение — в противовес наметившейся в России в то время тенденции превратить последнее в бессрочную кабалу. Публикуемый трактат, содержание рукописи в целом и другие произведения Крижанича свидетельствуют о том, что его негодование распространялось на отношения, характерные для крепостничества, в которое перерастало холопство. Он выступал за свободное переселение крестьян, защищал их право распоряжаться своим трудом и имуществом, ратовал за отмену транспортной повинности и создание армии из свободных людей.

Помимо всего прочего публикуемый материал, как и вся рукопись Крижанича, представляет ценный исторический памятник, способный, как нам кажется, облегчить выяснение одного из сложных и важных вопросов, поднятых в последнее время в науке, — о значении холопства для становления крепостничества.⁴³

⁴³ См.: Е. Колычева. Холопство и крепостничество (конец XV—XVI в.). М., 1971; В. М. Панеях. Холопство в XVI—начале XVII века. Л., 1975; см. также рецензию А. А. Зимина на эту книгу В. М. Панеяха (Вопросы истории, 1976, № 9, с. 165—168). Кроме того, см.: А. А. Зимин. Холопство на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973.

I. Т Е К С Т

IERES POLITICZNA 7

Ob Rabotè, ili Ob Hlápstwu

**Germanistarum
calumnia,
de servitute.**

1. Sciendum est, quod apud Germanos et Lehos nullus homo liber vendit seipsum alteri in servitute: neque quisquam dominus vendit alteri servum, solum hominem nisi tantum cum domo simul et cum fundo. Vel homo liber accipit agrum ad colendum et ita alligat se servituti. Apud Iudeos autem in lege antiqua: et apud Romanos et Graecos, tum paganos, tum postea Christianos: vendebant se homines liberi alijs in servitute et domini vendebant servos alter alteri; sicut nunc fit apud nos in Russia.

Germani ergo et Lehi odiosissime traducunt ac maledicunt consuetudinem nostram: quasi impiam, crudelissimam, et omni humanitati ac iustitiae contrariam: Quod (: ut ipsia iunt) Homines vendantur pro pecunia, quasi iumenta. Idcirco in immensum amplificanti et exaggeranti servitute, miseriam et infelicitatem subditorum Russorum; et dominos Russiacos demonibus ipsis crudeliores depingunt.

**Servitus stabilita
per Moïsem,
et per Apostolos.**

2. Nos porro non debemus decipi nimis ipsorum convitijs^a; sed scire debemus, quod in istis ipsorum verbis latent crassa mendacia fallaciae, et calumniae, ne dicam blasphemiae. Nam primo Servitus haec (: qua liber homo seipsum vendit) fuit confirmata in lege Divina. Non ergo consuetudo haec possit dici crudelis, impia inhumana; quia nec lex Dei esse crudelis, aut impia. (Exodi cap: 21 et Deuter: c: 15.12: scribitur: Cum tibi venditus fuerit frater tuus Hebreus, et sex annis servient tibi, in septimo anno dimittes eum liberum. Sive autem dixerit: Nolo egredi; eo quod diligat te: assumes subulam, et perforabis aurem eius, et serviet tibi in aeternum).

**Apud Romanos,
et apud Lehos
servitus durissima.**

Apud Romanos^b etiam liberi homines ultro se vendebant, et addicebant servitutis iugo gravissimo: quippe secundum leges Romanorum domini habebant vitae et mortis potestatem in suos servos: ita ut, si dominus servum (: etiam innoxium:) occidisset, nemo super inde inquireret. Apud Lehos eadem ista crudelis^c dominatio permanet, et usitatur. Quilibet nobilis potest impune suum quaecumque agricolam in^d. . . furca et in publica via, etiam sine causa, suspendere et nullam poenam propterea patietur. Et aliqui ita fecerunt, et faciunt.

In Russia autem istud non fit, nec impune esset si fieret. Ideoque maior est rigor servitutis apud totos Lehos, quam in Russia. Tempore apostolorum erant servi subditi dominis secundum leges Romanorum: et Paulus non destruit talem legem sed potius confirmavit eam: excepta licentia^e occisionis aut mutilationis. Scribit enim ad Efesios 6.5: «Servi obedite dominis carnalibus, in simplicitate cordis, sicut Christo, non ad oculum servientas etc: sed faventas nostri Dei ex audio. Cum bona voluntate servientes, sicut Domino, etiam hominibus^f».

^a Испр., в ркп. было calumpijs, зачеркнуто и сверху написано convitijs.

^b Подчеркнуто автором.

^c В ркп. исправление над словом, было crudelitas.

^d В ркп. следующее слово неразборчиво.

^e Испр., в ркп. licenta.

^f Первая скобка и вторые кавычки в оригинале отсутствуют. Это своеобразие пунктуации Крижанича, о котором сказано в вводной статье.

Et ad Coloss: 3.22: et ad Titum 2.9: Et I ad Timot: 6.1. repetitandem. 3. Miror ergo Cnapium (: virum alioqui prudentem, et religiosum:) quid dicere aut docere voluerit quando scripsit: Apud Romanos, inquit, «necis et antea pohanos dominis in servos fuit; qui rigor servitutis iure imperato sublatus est praesertim apud Christianos (: sic, ut nefas sit Christiano servili conditione habere Christianum:) cum et ethnici iurisconsulti certuerint servitatem quantumvis moderatam et iure tantum gentium, contrarius natale receptam fuisse). Hic Cnapius multum simul dicit et male confundit: quae debent distingui.

**Cnapii sententia
confusa de
servitute.**

Quod ait, *Rigorem servitutis fuisse sublatum per leges*^m imperatorum: hoc debet intelligi tantum de potestate necis. Haut non liceat posterioribus temporibus domino occidere suum servum, non requisito praetore et iudice regio. Falsum autem est, quod addit Cnapius: Ut nefas sit Christiano servili conditione habere Christianum. Quippe inter leges imperatorum Graecorum nulla exstat prohibitio servitutis: et semper inter Graecos servitus fuit legitime usitata. Inter Germanicos autem leges an aliqua talis prohibitio exstet, nescio. Sed hoc scio, quod non sit usu recepta, etiamsi fortasse fuit aliquando facta ante scripta.

**Rigor servituti
sublatus quomodo.**

**Liberi homines
quando fiant
servi, apud
Germanos et Lehos.**

Germani enim tenent suos agricolas in durissima servitute, ita ut non habeant libertatem alio commigrandi: et si agricola demigrat, dominus potest eum capere, ubique, et reducere ad se cum omnibus quae ille possidet. Eodem modo apud Lehos faciunt non solum nobiles, sed aut sacerdotes et religiosi, qualis fuit ipsemet Cnapius. Scilicet tenent agricolas in lege et rigore servitutis. Venit homo liber ad nobilem, et rogat ab eo sibi concedi aliquem agrum ad colendum. Nobilis assignat ei agrum vacantem: libere et absque vita possidendum per tres quattuor, aut plures annos. Finitis autem illis annis ille agricola fit servus illius nobilis sub durissima||lege. Debet domino dare certos proventus in frumento, in pecunia, et in variis aliis rebus. Debet ei servire ad vecturam, cum curru et cum iumentis suis, quocunque mittitur. Debet ei quotidie mittere unum operarium ad agros domini colendos: cui dominus nec dat mercedem, nec micae panis. Denique si agricola ille aliquo demigrat dominus potest eum suspendere, nullo iudice requisito. Sub his plane legibus apud Lehos sacerdotes iesuitae tenent suos agricolas; excepto tantum quod eos non soleant occidere, sicut faciunt domini seculares Falsum igitur est, quod scripsit Cnapius: Nefas esse Christiano servili conditione tenere Christianum. Nam istud non est servilis conditio; nescio quid aliud scripsit.

**Natura peccato
corrupta non
potest regi sine
servitute.**

4. Verum est, quod ex iurisconsultis attulit Cnapius: Quod servitus non oritur ex iure naturali, sed ex iure gentium, sive ex iure belli prognata fuit. Scilicet, postquam gentes met bella gerere ceperunt; tunc etiam ceperunt alter alterum capere, et in servitatem cogere. Ita etiam Polygamia fuit permessa proprie durtitiam cordis humani, ut ait Salvator: ab initio non fuit sic. Est et alia maior ratio, quae servitatem fecit in mundo necessariam nempe Peccatum. Postquam enim natura humana per peccatum corrupta est; non potest conservari bonum regimen, publica pax et legem obedientia, absque lege servitutis. Nihil magni unquam gestum est absque servitute. Cirus, Alexander, Romani, et Turci, nihil eorum mirabilium operum fecissent, quae fecerunt, si non habuissent legem servitutis et si debuissent exercitum precario ad

c. 474

pulum timpanorum colligere, ut hodie ridicule faciunt Germani. Difficile, imo imperite, est bella gerere, ubi rex non potest imperare nobilibus; nec nobiles suis famulis; sed debent eos rogare. Natura humana per peccatum corrupta est insolens, atque inobediens. Non regitur ratione, non ducis prece: sed debet ea compelli, ut faciat eum officium, et ut permittet id quod aequum est. Quamdiu Germani habebant inter se legem servitutis, tam diu erant formidabiles ceteris gentibus, et plura regna debellabant, et obtinebant. Hodie cum plerique facti sunt liberi iam nec semetipsos defendere possunt. Imo observandum est idem in alijs etiam populis; et pro certo tenendum etiam pro nobis: Quamdiu Russia illaesam conservabit legem servitutis, tamdiu, per Dei gratiam, poterit suam maiestatem, libertatem et statum conservare. Si autem (: quod absit:) aliquando lex servitutis convellatur, periculum est, ne gens Russiaca incidat in eandem confussionem rerum, dissolutionem mororum, Xenarchiam, ac ignominia omnium gentium in quam inciderunt Lehi. Demum, quod aliquae seniores perscripserunt, quod apud Romanos servi non adserebantur ad militiam: hoc sic intellige. Milites omnes erant liberi: ideoque nullus poterat esse simul servus et miles. Sed milites ac nobiles praebiant conducebant secum suos servos ad bella et praelia. Et ex servis fiebant liberti, et milites, et nobiles; et usque adeo aliqui servi facti sunt imperatores.

(ЦГАДА, ф. 381 (Б-ка Синод. тип.), № 1799, с. 472—475).

И. ПЕРЕВОД

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЕРЕСЬ 7

О рабстве, или О холопстве

**Ложь немцев
о рабстве.**

1. Нужно знать, что у немцев и поляков никакой свободный человек не продает себя в рабство другому и никакой хозяин никому не продает раба одного, а разве только лишь с домом и с землей. Или свободный человек получает поле для обработки и таким образом сковывает себя рабством. Напротив, у иудеев, по их древнему закону, у римлян и у греков, как у язычников, так потом и у христиан, свободные люди продавали себя в рабство, и хозяева продавали рабов друг другу, подобно тому как теперь происходит у нас в России.

Поэтому немцы и поляки наш обычай толкуют с ненавистью и бранят, именуя его нечестивым, весьма жестоким, противоречащим человечности и справедливости, ибо, по их словам, люди продаются за деньги, как скот. По этой причине они чрезмерно подчеркивают и преувеличивают рабство, бедность и несчастье русских подданных и изображают русских хозяев более жестокими, чем сами демоны.

**Рабство утверждено
Моисеем и
апостолами.**

2. Но нас впредь не должно вводить в заблуждение их злословие. Нам следует знать, что в этих их словах кроется изрядная ложь, обман и превратное толкование, чтобы не сказать святотатство. Так как прежде всего это рабство (когда свободный человек продает сам себя) было утверждено божественным законом, поэтому этот обычай не может быть назван жестоким, нечестивым, бесчеловечным, так как закон бога не может быть жестоким или нечестивым. (В главе 21 Исхода и Второзаконии, 15. 12, написано: «Если тебе будет продан брат твой еврей и прослужит он тебе шесть лет, то отпусти его на седьмой год на свободу.

Если же он скажет: „Я не хочу уходить“, — потому что почитает тебя, то возьми шило и проколи ему ухо, и он будет тебе рабом навеки»¹).

**У римлян и поляков
весьма жестокое
рабство.**

У римлян свободные люди также добровольно продавали себя и обрекали себя самому тяжелому ярму рабства, потому что в соответствии с римскими законами господа имели власть над жизнью и смертью своих рабов. Так что если господин убил бы своего (даже невинного) раба, то это не могло служить поводом для обвинения. Такая же жестокая власть сохраняется и остается в обычае у поляков. Любой знатный может одеть на шею любого своего крестьянина. . . ² колодку, без причины повесить его у проезжей дороги и никакого за это не понесет наказания. И некоторые так делали и делают.

В России же этого не бывает,³ а если бы и произошло, то не осталось бы безнаказанным. Поэтому у поляков более суровое рабство, чем в России. Во времена апостолов по римским законам рабы были подчинены господам, и Павел не разрушил этого закона, но еще больше укрепил его, исключив только право убивать и увечить. В самом деле, он пишет Ефесеянам, глава 6. 5: «Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти в простоте сердца, как Христу, не с видимой только услужливостью» и т. д., но с благожелательностью, подобно тому как мы повинуемся нашему богу. С честным усердием повинуйтесь людям, как богу.

И Колоссянам, глава 3.22, и Титу, глава 2.9. И о том же считает нужным напомнить в первом послании к Тимофею, глава 6.1.

**Неясное суждение
Кнапа о рабстве.**

3. Поэтому я удивляюсь Кнапию⁴ (вообще сведущему и благочестивому человеку): что он хочет сказать и поведать, когда пишет, что у римлян, когда они были язычниками, господа имели право убивать своих рабов? Эта жестокость рабства, предписанного законом, была отменена, в особенности у христиан (потому что ведь грешно было бы христианину держать в рабском состоянии христианина). Вместе с тем юристы-язычники засвидетельствовали, что рабство бывало сколь угодно умеренным и допускалось лишь международным правом в отличие от естественного. Здесь Кнапий говорит одновременно многое и недопустимо смешивает то, что необходимо различать.

**Каким образом
отменяется
жестокость рабства.**

Что же касается его заявления, что *жестокость рабства была смягчена законами императоров*, то это нужно понимать только относительно власти убивать рабов. Ни в коем случае нельзя было господину убивать своего раба, не испросив разрешения у претора и царского судьи. Но, однако, ложно то, что добавляет Кнапий, будто бы запрещено христианину держать в рабском состоянии христианина. Потому что среди законов греческих императоров не существует ни одного запрещающего рабство, и всегда среди греков рабство было общепринято на законном основании. Среди германских же законов я не знаю, существ-

¹ В. И. Сергеевич, поясняя это место, указывает, что по древнему закону для еврея всякая продажа себя в рабство другому еврею влекла за собой временное рабство. Временный раб мог получить от своего господина жену и прижить с ней детей. Но жена, данная господином, — вечная раба этого господина, поэтому, когда приходило время свободы для временного раба, он освобождался один, без жены и детей, и не хотел уходить (В. И. Сергеевич. Законы царя Хаммураби. . . , с. 11).

² См. текст латинского оригинала, примеч. 2.

³ В России, как было указано выше (см. с. 175, примеч. 22), в середине XVII в. свободный человек не продавался в вечное рабство.

⁴ Sпаріus, или Кнапский, — польский лексикограф. См.: Thesaurus polono-graecus. . . [Б. м.], 1621. Продолжение издания последовало в 1626 и 1632 гг.

вует ли подобное запрещение. Но мне ясно лишь то, что не было бы оно столь общепринятым, если бы вышеизложенное хоть когда-либо существовало.

Когда
свободные люди
стали рабами
у немцев и поляков.

Немцы, действительно, держат своих крестьян в самом жестоком рабстве, так что те не имеют возможности свободно переселяться на другое место, и если крестьянин уходит, то господин может схватить его, где бы он ни находился, и вернуть к себе со всем имуществом, которым тот обладает. Таким же образом поступают у поляков не только знатные, но даже духовенство и монахи, каковым был сам Кнапий. Следовательно, они держат крестьян на том же положении и в такой же строгости, в какой находились рабы. Приходит свободный челонок к знатному и просит у него дать ему какой-нибудь земельный участок для обработки. Знатный предоставляет ему пустующую землю, чтобы тот, как подобает свободному гражданину и необременительно для своего живота, владел ею в продолжение трех, четырех и более лет. По истечении же этих лет упомянутый земледелец становится рабом того же знатного на самых жестоких условиях. Он должен дать господину определенную часть урожая хлебом, деньгами и другими различными видами дохода. Он должен нести в его пользу повинности по извозу со своей телегой и лошадь, куда бы он (господин, — Л. М.) его ни послал. Он должен посылать ежедневно работника для обработки полей господина, который не платит ему жалованья и не дает ему ни крошки хлеба. Наконец, если этот земледелец куда-нибудь уйдет, то хозяин может повесить его, не запрашивая судью. На этих же условиях и священники-иезуиты у поляков держат своих крестьян, за исключением только того, что обычно не убивают их, как это делают светские господа.

Итак, ложно то, что написал Кнапий, будто грешно христианину держать христианина в рабском состоянии. Ибо это состояние не является рабским. Я не знаю чего-либо другого, написанного Кнапием.

Испорченная грехом
человеческая
природа не может
управляться
без рабства.

4. Справедливо то, что Кнапий прибавляет на основании слов юристов, а именно, что рабство не порождается по естественному праву,⁵ а произошло из международного права или из права войны. Это значит, что после того как народы сами начали вести войны, впервые один начал брать другого в плен и обращать в рабство. Таким же самым образом было допущено многоженство вследствие жестокости человеческого сердца, как говорит Спаситель. Первоначально же было не так. Есть и другая, более существенная причина, которая делает рабство в мире необходимым, а именно — грех. Ибо после того как человеческая природа была испорчена грехом, наилучший образ правления, всенародный мир и повиновение закону не могут быть сохранены без закона рабства. Ничто великое не было совершено без рабства. Кир, Александр, римляне и турки никогда бы не сделали ничего из тех удивительных дел, которые они совершили, если бы у них не было закона рабства и если бы они должны были просьбами, барабанным боем собирать свое войско, как теперь всем на смех поступают немцы. Трудно и даже скорее невежественно вести войны там, где царь не может повелевать знатью, а знать — своими слугами, но где они должны просить. Человеческая природа испорчена грехом; она своевольна и непокорна. Она не управляется ни разумом, ни просьбами военачальника, но ее нужно

⁵ Рабство по естественному праву — это рабство от рождения, вечное рабство, которое Крижанич отвергал и противопоставлял ему рабство-самопродажу, носившее юридически добровольный характер.

принуждать, чтобы она выполняла свою обязанность и допускала только то, что справедливо.

До тех пор пока у немцев существовал закон рабства, они были страшны соседним народам, победили много царств и покорили их. Теперь же, когда большая часть их стала свободными, они даже самих себя не могут защитить. Мало того, это можно наблюдать также у других народов; справедливо это и по отношению к нам: пока Россия сохранит закон рабства, до тех пор, божией милостью, она сумеет сохранить свое величие, свободу и независимое положение. Но если (да не свершится этого!) закон рабства когда-нибудь падет, то возникнет опасность, как бы и русский народ не постигли те же беспорядки, распущенность нравов, власть чужестранцев и бесславие среди иных племен, выпавшие на долю поляков.

Наконец, относительно того, что некоторые старейшие обстоятельно излагали, что у римлян рабы не привлекались к военной службе. Это следует понимать так. Солдаты все были свободными, поэтому никто не мог быть одновременно рабом и воином. Однако воины и знатные приводили с собой рабов на войну и в сражения. И из рабов те становились вольноотпущенниками, воинами и знатными, вплоть до того что даже некоторые рабы становились императорами.⁶

⁶ См. с. 148, примеч. 39.